

Дом со звездной крышей

История о поиске счастья

16+

Екатерина Шелеметьева

Екатерина Шелеметьева
Дом со звездной крышей

«Автор»

2018

Шелеметьева Е. А.

Дом со звездной крышей / Е. А. Шелеметьева — «Автор», 2018

Что делать если в жизни есть всё кроме счастья? Где его искать? И какую цену придется заплатить? На эти вопросы предстоит ответить главному герою романа «Дом со звездной крышей». Путешествие в Черногорию и случайная встреча на вершине крепости станут началом истории длиною в пять лет. Истории о любви и преданности, о дружбе, человечности и счастье.

© Шелеметьева Е. А., 2018

© Автор, 2018

Часть первая.

Глава 1. Встреча

К древней крепости, возвышающейся над городом, ведут потертые, местами разрушенные каменные ступени. Без малого полторы тысячи ступеней образуют извилистую дорогу. Она опоясывает горный склон, петляет, изгибается, как змея, скользит по кромке обрыва, забирается на вершину горы. Многие века эта дорога – единственный путь к крепости святого Иоанна. Путь, который в тридцатиградусную жару под палящим Черногорским солнцем, тяжело дается и самому выносливому путнику.

Невысокий, худощавый мужчина лет тридцати пяти, наконец, преодолел все ступени, вышел на смотровую площадку на вершине. Остановился. Выдохнул. Мысленно похвалил себя за подъем и огляделся. С высоты ему открылся удивительный вид на город Котор, на его аккуратные домики с красными крышами, узкие улицы, на их повороты и изгибы. На виднеющуюся вдали пристань, мачты парусных яхт, блестящую воду Боко-Которского залива, окруженного вершинами гор. Все это освещало солнце. Оно слепило глаза и проникало повсюду, от солнца не спасали ни кроны деревьев, ни стены домов, ни острые горные вершины.

Константин, так звали мужчину, поправил темные очки, еще раз равнодушно осмотрел городские крыши. Вид, открывавшийся с вершины крепости, был великолепен, но Костю он не тронул. Мужчина подумал, что здесь красиво, но нельзя сказать, чтобы слишком: «Просто куски черепицы, море и горы, ничего особенного».

Костя обернулся и стал с любопытством разглядывать туристов, появляющихся на смотровой площадке. То и дело кто-то забирался на гору, тяжело дышал, вытирал пот со лба, оглядывался и замирал восхищенный красотой открывшегося вида. Каждый турист, откуда бы он ни приехал, совершал этот обязательный ритуал – поднимался на вершину крепости.

«В этом я не оригинален», – подумал Константин и уже собрался спускаться, как услышал рядом с собой русскую речь: женский голос напевал старую попсовую песенку. Константин усмехнулся: даже не оборачиваясь, по голосу он легко мог опознать в певшей русскую эмигрантку. Многие из тех, кто уехал из России несколько лет назад, увезли с собой любимые песни и спустя годы напевали их под настроение, мурлыкали под нос, даже не догадываясь, что на родине такого уже не поют и не крутят на волнах радиостанций.

Этот голос за Костиной спиной не был исключением, в нем слышался легкий акцент. Его хозяйка, вероятно, много говорила на сербохорватском или черногорском, как его называют в последние годы.

– Забавно поет, – подумал Костя и снова прислушался, что-то было в этом голосе, что-то еще, кроме акцента и старого попсового мотивчика... что-то знакомое. Словно когда-то давно этот голос с этой песней уже встречались Константину, были частью его жизни, что-то для него значили.

Он обернулся. Чуть в стороне стояла певунья. На вид ей было лет тридцать, может немного больше. Шорты, футболка, темные очки, висящие низко почти на кончике носа, волосы иссиня-черные в хвост и бронзовая кожа. Невольно Костя подумал, что женщина пропиталась солнцем насквозь, таким медным и сияющим был ее загар. Она смотрела на море, напевала, радостно и беззаботно.

Мужчина помедлил немного, разглядывая девушку, и все больше убеждаясь, что не обознался. Еще минуту он стоял в нерешительности, подбирая слова, но потом все же подошел. Поздоровался спокойно и сдержанно, так будто последний раз они виделись только вчера.

– Здравствуй, Кира!

Она обернулась, и вежливая улыбка мгновенно сменилась искренней радостью.

– Костя?! Ничего себе! Здравствуй. Вот это встреча!

– Да уж. Не знал, что ты здесь. Переехала? Давно?

Девушка села на каменный выступ, вытянула длинные загорелые ноги и снова улыбнулась Косте:

– Лет пять назад. Ты же знаешь меня: я приехала на неделю к морю и влюбилась...

Константин поморщился, лицо его стало серьезным и напряженным. Девушка заметила это и расхохоталась.

– Ты не меняешься, Костик. Влюбилась в страну: в горы; в леса; в этих ласточек, снующих повсюду; в зелень; в маленькие улочки Котора; в удивительных людей; в солнце, – Кира сняла очки, повертела их в руке и, щурясь, посмотрела на круглое солнце, застывшее ровно посередине неба. – Можешь считать, что у меня случился роман с солнцем. Я осталась сначала на месяц, потом на полгода, а потом навсегда.

Кира снова надела очки, спрятав за их стеклами свои озорные, раскосые глаза, медового цвета.

Костя подумал, что и она не так уж сильно изменилась. Как и раньше щебечет, смеется, говорит без умолку. Только теперь в ней больше света и радости. Нет, не так, теперь в ней целое море света и радости.

Тогда шесть лет назад, когда он видел ее в последний раз, у нее была бледная кожа, и сама она напоминала сказочную Снежную королеву: сдержанная, холодная, сосредоточенная, словно скованная льдом. Шесть лет назад она попрощалась с ним на пороге его квартиры: «До встречи, Костик, будь счастлив», – и ушла, осторожно закрыв за собой дверь. Перед глазами пронеслись бессвязные обрывки воспоминаний: съемная квартира, дурацкие желтые занавески в кухне, пестрые кружки, неисправный чайник, мелочь, звенящая по карманам... Как же он тогда ненавидел эту мелочь, вечную нехватку денег... Костя мотнул головой, отгоняя непрощенное видение.

В этот момент в сумке у Киры запищал телефон, она покопалась там, нашла гаджет и ответила на черногорском.

– Мне пора, – сказала она, закончив разговор. – У меня экскурсия вниз. Буду показывать туристам древние христианские церкви.

Она помедлила немного, потом подошла и крепко обняла Костю. На одну только секунду замерев рядом с ним.

– Рада была тебя встретить.

И развернувшись, побежала вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки и снова, что-то мурлыча себе под нос. Константин проводил ее взглядом и вскоре тоже стал спускаться с горы.

Внизу он походил немного по городу то и дело, поглядывая на группы туристов, высматривая глазами экскурсовода и снова и снова убеждаясь, что это не Кира. Костя рассматривал стены домов, улицы и искренне не понимал, как она могла в них влюбиться. Ему не нравился Котор: его давящие, подступающие с двух сторон дома, словно окружающие прохожего; облупившиеся ставни; заколоченные окна и вездесущее солнце.

Впрочем, быть может дело не в городе, ведь влюбляются же в него эти бесконечные туристы. Может быть, просто Константину приелись путешествия, города и виды? Больше они его не трогают, не цепляют, не радуют. В последнее время его радует другое: работа, собственные достижения, встречи с друзьями. Когда-то радовала Кира...

Он вернулся мыслями к утренней встрече. Подумал, что Кира стала как-то особенно красива, вспомнил, что когда-то давно ему нравилось слушать ее истории и делиться с ней всеми своими мыслями и идеями, что она всегда поддерживала его в любой глупости и авантюре.

Перебирая в голове выцветшие воспоминания, Константин вытащил из кармана джинсов телефон, отыскал в соцсети смеющееся, загорелое лицо и набрал сообщение.

– Очень рад был тебя встретить. Не хочешь прогуляться? Расскажешь, как живешь.

Прошло не больше минуты, и телефон тоненько звякнул, сообщая, что пришел ответ.

– Сегодня? Давай в 19:00 на главной площади, под часами.

Костя убрал в карман телефон, вынул сигареты, закурил. Какое-то легкое беспокойство, едва различимое сомнение тронуло его, он отогнал странное чувство, усмехнулся.

"Это же только прогулка с давней подругой, не больше".

Глава 2. Площадь кошек

Вечером они встретились на главной площади под старинными башенными часами. Солнце уже садилось, жара отступила, было прохладно. На Косте развевалась белая льняная рубашка. Кира пришла в длинном светлом платье с причудливо вышитым поясом. На плече у нее висела сумка, в которую с легкостью можно было спрятать коллекцию греческих ваз, небольшой холодильник и полное собрание сочинений кого-нибудь из русских классиков. Костя по опыту знал, что в сумке непременно хранится что-нибудь удивительное.

Стоит ли говорить, что Кира бессовестно опоздала, долго извинялась за это, рассказывала про туристов, экскурсию и свой насыщенный день.

– Ты давно в Которе? – поинтересовалась она, закончив извиняться.

– Третий день, – Костя улыбнулся.

– Отпуск? – она смотрела на Костю, чуть прищурившись, склонив набок голову.

Он помолчал.

– Наверное. Не знаю. Просто захотелось сменить обстановку, уехать из Москвы. Не думаю, что это можно назвать отпуском в полной мере, я прилетел с ноутбуком и работаю здесь. Всекак всегда.

– Хорошо. Значит, ты еще ничего не видел, идем. Я покажу тебе город.

И прежде чем Константин успел возразить, она взяла его под руку и потащила в какой-то крошечный переулок. Впрочем, все переулки и улочки старого Котора смело можно назвать крошечными.

– Что тебе показать? – на ходу спросила Кира. – Котор прекрасен, я обожаю его. Маленькие улочки, запахи, стены, ставни, яхты на набережной, да все. Впрочем, старый город такой маленький, что ты вероятно уже все посмотрел, наслушался историй и легенд, и конечно в них не поверил, – она заглянула Косте в глаза и засмеялась.

– Я не буду повторяться. Идем, будем кормить кошек, и разговаривать о всякой ерунде.

Тут она свернула в какой-то переулок, остановилась возле обшарпанной синей дверцы, постучала. Ей открыл крупный, немолодой мужчина в белом фартуке. Костя заглянул мужчине за спину и понял, что там расположилась кухня какого-то кафе или ресторана. Из кухни вкусно пахло чем-то печеным.

– Знакомься, это Милош, Милош, это Костя, – дежурно представила Кира.

Повар, а открывший мужчина, явно был поваром, улыбнулся Кире и приветливо кивнул Косте, вытер о фартук руку, перепачканную в муке, протянул ее Константину.

Когда формальное знакомство состоялось, Кира заговорила с мужчиной на черногорском. Она о чем-то попросила. Повар заулыбался, коротко ответил, на секунду исчез за дверью, а когда снова появился, протянул Кире два объемных пакета. Что-то пояснил девушке, показав по очереди на каждый из них. Потом торопливо попрощался и закрыл дверь.

Кира спрятала пакеты в свою необъятную сумку, снова взяла Костю под руку и повела вглубь старого города.

– Ну вот, теперь у нас есть угощение для кошек. Вернее, в одном пакете угощение для кошек, а в другом для нас, – пояснила она, и со смехом добавила: – Главное не перепутать. Кстати, мы с тобой заходили сейчас в отличный ресторан, там прекрасно готовят. Правда лучше все же приходите через обычные двери, а не с черного хода и не отвлекать шеф-повара.

Константин посмотрел на девушку с улыбкой:

– Ну, рассказывай, как ты живешь?

- Что ты хочешь знать? – серьезно спросила она.
- Все, – Костя хитро улыбнулся.
- Все, что было за последние шесть лет?! На такой рассказ мне не хватит вечера...
- Начни, а там посмотрим.

И Кира стала рассказывать: про то, как пять лет назад она впервые приехала в Черногорию, сняла квартиру в Тивате на морском побережье. Как по утрам она бегала по набережной, как плавала в море, как подружилась со своими домовладельцами – чудесной семьей. Как в считанные дни влюбилась в эту удивительную солнечную страну и решила остаться.

– Мне с первого взгляда понравилось абсолютно все, – говорила Кира, – обычаи, местная кухня, климат и особенно люди. Черногорцы очень добрые, искренние, открытые, отзывчивые, их невозможно не любить, ты тоже это почувствуешь, я уверена.

Костя улыбнулся.

- И какими были эти пять лет, которые ты здесь прожила? – спросил он.
- Счастливыми. Я познакомилась со множеством прекрасных людей, сменила несколько профессий, работала переводчиком, фотографом, экскурсоводом, купила дом высоко в горах и стала практически мулаткой.

Кира засмеялась и стала рассказывать истории из Черногорской жизни. Параллельно она здоровалась с людьми на улицах, водила давнего друга по дворам и закоулкам, показывала какие-то окна, какие-то ставни, рассказывала местные истории и легенды: грустные, веселые... разные. Пританцовывала и что-то мурлыкала себе под нос.

Костя шел рядом, слушал ее рассказы, рассматривал дома. Ему было легко и спокойно, узкие улицы уже не обступали его плотным кольцом, не душили, казалось, они тоже слушают Киру, соглашаются с ней, делятся своими тайнами.

– Вот здесь, смотри. Самая узкая улочка старого города. Если раскинуть руки, можно коснуться домов на противоположных сторонах улицы, – Кира мгновенно продемонстрировала, как это сделать, и кончики ее пальцев действительно замерли на фасадах противоположных домов.

- Ужасно неудобно. Здесь же не разойтись, – поморщился Костя.
- Точнее не разъехаться, – кивнула Кира, – Это как раз и сделано для того, чтобы в случае осады и захвата города, всадники ехали по одному, и с ними легко можно было справиться.
- А они коварные твои черногорцы, – усмехнулся Костя, тоже вытягивая руки и касаясь стен.
- Предусмотрительные. Не коварные, нет. Это самые искренние, чистосердечные, отважные и прекрасные люди в мире.

Костя покосился на Киру, к его удивлению она говорила совершенно серьезно, без тени иронии. Он снова хмыкнул:

- Идеалистка.
- Скептик, – парировала Кира. – Кстати, теперь твоя очередь рассказывать. Как ты? Я слышала, ты теперь состоятельный человек, инвестор, еще, кажется, веб-разработчик или что-то в этом роде.

Он усмехнулся и кивнул:

- Что-то в этом роде. Что еще ты обо мне слышала?
- Не много, – она помолчала, подбирая слова, – что ты всего достиг, на все заработал. И ты завидный московский холостяк.

Костя расхохотался. Он смеялся так долго и так громко, что у него на глазах выступили слезы:

- Кто я?! Кира, кто поставляет тебе сплетни? Кто этот страшный человек?

– Рита. Помнишь ее? Я мало с кем общаюсь из московских знакомых, по большому счету, только с Ритой. Она иногда звонит и рассказывает московские сплетни. Так что, это все не правда?

– Не совсем, – Костя, наконец, перестал смеяться, успокоился и тоже стал рассказывать. Он говорил о работе, новых проектах, планах, идеях, даже мечтах. О том, что сложилось и не сложилось за последние годы. Он и раньше так делал, доверял Кире все, что происходило в его жизни, в его голове. И эти шесть лет, которые они не виделись, казалось, ничего не изменили. Она слушала внимательно, задавала вопросы, иногда очень личные, удивлялась, смеялась.

За шесть лет, которые они не виделись, Костина жизнь действительно сильно изменилась. Из молодого математика с маленькой зарплатой и большими амбициозными мечтами, Константин превратился в успешного программиста с серьезной зарплатой. Впрочем, это было только начало, очень скоро он стал инвестировать средства в различные проекты, совместно с друзьями организовал собственный бизнес, какое-то время владел рестораном.

– Впрочем, сейчас ресторана у меня уже нет, – Костя вздохнул. – Он отнимал все мое время и силы и не приносил желаемого дохода. Так что мы его продали.

– А что сейчас? – спросила Кира, внимательно глядя на давнего друга.

– Сейчас? Работа на международную компанию, инвестиции, несколько перспективных проектов и задумок. Машина, квартира, дача... Все как у всех. И еще есть куда стремиться и на что зарабатывать, – он улыбнулся.

Кира кивнула. Какое-то время они шли молча, обдумывая услышанное.

– Тебе нравится Котор? – вдруг спросила девушка.

– Не знаю, Кир. Я как-то равнодушен стал к городам, зданиям, церквям и памятникам, – он не стал рассказывать Кире, как давят на него эти стены и узкие улицы. Она любила Котор, а Костя всегда снисходительно и даже бережно относился к тому, что любила Кира.

– Зачем тогда ты едешь из города в город? – удивилась она.

– Хороший вопрос. Иногда Москва становится для меня невыносимой, она меня душит, я устаю от шума, людей, разговоров, проектов и тогда я еду куда-нибудь. Смотрю новые места, гуляю, отвлекаю себя от работы.

– Едешь? Больше похоже на бегство...

– Может быть. Но я же возвращаюсь. И вообще, мне казалось бегство – это твой конек.

Кира пожала плечами. Она не хотела говорить о своем отъезде из Москвы, который Костя считал бегством. Некоторое время они шли молча. Кира что-то обдумывала. Константин чувствовал это кожей и с любопытством и легким волнением ждал следующего вопроса:

– Костя, ты счастлив?

Он улыбнулся. Прошло столько лет, а она осталась такой же. Все также отчаянно верит, что люди должны быть счастливыми и радостными. Должны делать что нравится, жить, где нравится, любить. Как будто жизнь совсем ничему ее не научила, не согнула, не заставила найти тысячи компромиссов между мечтами и реальностью.

– Не знаю, что тебе ответить, – задумчиво сказал Костя. – У меня есть цели, я к ним иду, чего-то я добился, чего-то еще нет...

– Я не об этом.

– Да, я слышал. Но не знаю ответа.

Кира кивнула, смерила друга внимательным, печальным взглядом и пошла быстрее. С раздражением Константин подумал, что она его жалеет. Вот глупая. Ведь у него же все хорошо, и знакомые считают, что он завидный холостяк, который всего добился. И никто на свете не знает, что у него в душе плещется тягучая, пустота, которую никак не удастся заполнить. Какое-то смутное ощущение, что он делает что-то не то, что он не на своем месте.

Костя внимательно посмотрел на Киру: «Никто об этом не знает, кроме Киры». Он привычно прогнал эту мысль и пошел быстрее.

Через пару минут Константин и Кира оказались в западной части старого города, на небольшой площади с церковью посередине. Возле церковной стены то там, то тут сидели, лежали и ходили разноцветные дворовые кошки. Здесь же стояли мисочки и блюда с молоком и кормом.

– Знаешь где мы? – спросила Кира, роясь в своей необъятной сумке.

Костя покачал головой. Он огляделся. Площадь обрамляли старые дома: штукатурка на фасадах облупилась, а зеленые ставни выглядели такими ветхими, что казалось, в любой момент могли обрушиться на голову зазевавшихся туристов. И к тому же повсюду были кошки, целое полчище бездомных животных.

– Это площадь кошек! – радостно заявила Кира. – В путеводителях она называется иначе, это народное название, но оно очень точное. Здесь официально разрешено кормить этих хвостатых. Ты, кстати, за эти годы обзавелся кошкой?

– Нет, как-то не получилось.

– Жаль.

Костя покачал головой, когда-то он ужасно хотел завести кошку, но хозяйка съемной квартиры, где он тогда жил, была категорически против. Даже странно, что Кира это помнит.

Кира, наконец, нашла в сумке нужный сверток, отдала животным принесенное угощение: кусочки сырого мяса. Потом села на асфальт и стала гладить пушистых котят дремавших возле одной из стен. Беззаботно улыбаясь, Кира рассказывала, что кошки неофициальный символ города, потому что давным-давно спасли его от крыс и от чумы, которую крысы могли принести.

Константин сам не заметил, как закатал рукава рубашки, сел на мостовую рядом с Кирой и протянул руку, чтобы погладить котенка. Костя любил кошек, и эти пушистые существа отвечали ему взаимностью. Не прошло и минуты, как маленький черный котенок отважился забраться ему на колени. Мужчина усмехнулся и аккуратно погладил малыша.

Когда окончательно стемнело, Кира и Костя вышли за ворота старого города и не спеша пошли по набережной. Вдоль берега, вытянувшись в линию, стояли дорогие яхты. Они покачивались на волнах, как плавучие дома: темные и безжизненные или наоборот шумные, горящие праздничными огнями, наполненные людьми и музыкой.

Слушая музыку, Кира пританцовывала. Ее руки с тонкими запястьями и длинными пальцами отзывались на каждую ноту, повторяли движения музыки. Длинная юбка шелестела и покачивалась из стороны в сторону. Черные распущенные волосы растрепались на ветру. А в глазах плясали черти, по крайней мере, Косте так казалось. Он смотрел на нее и думал, что в этот момент в свете корабельных огней и белесой луны, она похожа то ли на цыганку, то ли на ведьму.

Костя подумал, что нужно бы спросить ее про семью, про тех, кто ждет дома. Но не решился. Может оттого, что Киру всегда кто-то где-то ждал: она умела очаровывать. А может быть, потому что здесь и сейчас это, в сущности, не имело значения. Вместо этого мужчина подошел ближе и обнял эту черноволосую ведьму за талию.

Кира расхохоталась.

– Осторожно, милый! Я ведь могу подумать, что это совсем не дружеская встреча.

Он сильнее прижал Киру к себе. Почувствовал пряный запах ее духов, услышал, чуть прерывистое дыхание и прошептал ей на ухо: "Ну что ты, только дружеская". Улыбнулся, и глаза у него стали хитрые, лисьи.

Смеясь и в обнимку, Кира и Костя добрались до пирса, сели на самый край. Кира разулась и свесила босые ноги в черную воду. Вынула из сумки еще один сверток, полученный от повара в ресторане. Там оказалась лепешка и белый странного вида комоч, отдаленно напоминающий тесто.

– Попробуй, – предложила она, – местный сыр, безумно вкусный.

Костя с сомнением покосился на угощение, но все же отщипнул кусочек и попробовал. Оказалось, действительно вкусно.

Они еще посидели немного на берегу, рассуждая о жизни, об истории, о любимых городах и о Москве, вспоминая общих знакомых. Пару раз за это время Костя наклонился в Кире, чтобы рассказать ей шепотом очередную «страшную тайну». Эти тайны он придумывал на ходу, просто ему нравилось обнимать девушку, чувствовать запах ее духов, слушать беззаботный смех.

Но даже самый приятный вечер когда-нибудь заканчивается. В какой-то момент Кира скользнула взглядом по часам на Костином запястье и сообщила, что ее карета вот-вот превратится в тыкву, так как до полуночи осталось лишь несколько минут.

– Мне нужно бежать, Костик, – добавила она, торопливо попрощалась, звонко чмокнула мужчину в щеку и убежала в сторону паромной станции.

А Костя остался сидеть на берегу, смотреть на залив и думать о Кире. Глубокой ночью он возвращался в гостиницу. Мужчина не спеша шел по набережной, время от времени поглядывая на море. Он вспоминал то время, когда они с Кирой были вместе. Перебирал в памяти их встречи, прогулки, вспоминал, как они бродили по улицам ночи напролет, как она прятала свои тонкие пальцы в кармане его пальто. Прошло много времени, вместо четких картин, в памяти всплывали отдельные кадры, как из старого полузабытого фильма. Скорее ощущения, а не воспоминания. Уже ночью в гостинице Косте снилось море, яхты и Кира. Она смеялась...

Глава 3. Дом со звездной крышей

Весь следующий день до самого вечера Костя был занят работой. Благо профессия позволяла не сидеть в офисе, а работать из любой точки мира. Когда начало темнеть мужчина оставил работу и вышел прогуляться.

Его отель располагался в самом сердце старого города – непозволительная роскошь для большинства туристов. Зато выйдя за дверь небольшой уютной гостиницы, Константин сразу, без долгих прогулок, мог окунуться в шумную жизнь курортного города, в бесконечный Черногогорский праздник.

Вот и сегодня за окнами его отеля кипела жизнь: повсюду горели сотни огоньков и фонариков, в маленьких кофейнях и ресторанах играла музыка, со всех сторон слышался радостный смех, многочисленные гости города сновали по узким улочкам и переулкам. Среди множества звуков, где-то вдалеке отчетливо выделялся гул городского праздника. Где-то там, еще невидимый взгляду расположился оркестр, нестройно играющий веселые мотивы, там гудела толпа, собравшаяся на праздник, и туда все сильнее влекло Костю.

Он шел на звуки музыки и довольно скоро заметил афиши. Маленькие цветные листочки развевались на заборах, на окнах и фасадах зданий, такие же листочки раздавали в переулках подростки, несли в руках прохожие.

Костя остановился возле объявления, в нем говорилось, что сегодня в Которе состоится ночь танцев под большим деревом. Мужчина хмыкнул: "Как интересно среди этого буйства стен и деревьев отыскать то самое большое дерево?" Но стоило ему пройти еще метров сто, как он увидел толпу, музыкантов, танцующих людей в ярких нарядах и возвышающееся над их головами дерево. Огромный вековой дуб посреди площади явно давал понять, что он тут самый большой и главный.

Под кроной этого исполина расположился небольшой любительский оркестр, он нестройно играл веселые мелодии. А несколько мужчин и женщин чуть в стороне пели песни на разных языках, мастерски угадывая национальность той или иной группы туристов, проходящей мимо. Почему-то даже самые бессмысленные песни на родном языке в чужой стране воспринимаются радостно и благосклонно.

Костя пробрался сквозь толпу поближе к музыкантам. Не то чтобы он так уж любил музыку, просто наступил вечер, работать уже не хотелось, и нужно было чем-нибудь занять себя.

Толпа шумела и веселилась: кто-то напевал, кто-то пританцовывал, кто-то смеялся, разговаривал, спорил. Костя рассматривал лица людей: беззаботные, счастливые, спокойные, смеющиеся. Лица тех, кто приехал отдохнуть к морю. Константин скользнул заинтересованным взглядом по стайке девушек чуть за двадцать, ему нравились стройные, юные красотки; взгляделся в хитрый прищур старика, игравшего на гитаре; улыбнулся, глядя, как немецкий студент покупает мороженое и сосредоточено считает сдачу. И вдруг встретился взглядом с насмешливыми глазами на загорелом Кирином лице.

Она стояла на противоположной стороне площади и уже какое-то время наблюдала за Константином. Мужчина помахал рукой и не спеша стал пробираться через толпу на встречу Кире. Обойдя площадь, он обнаружил девушку в стороне от туристов, среди актеров, музыкантов и организаторов праздника в импровизированной гримерке, сделанной из двух лавок. Здесь в беспорядке лежали коробки и инструменты. Здесь же стояла огромная Кирина сумка, девушка вытаскивала из нее и надевала на руки многочисленные медные браслеты.

– Интересный образ, – вместо приветствия отметил Костя, разглядывая длинное в пол зеленое платье, браслеты и причудливую заколку в волосах.

– Нравится? – с вызовом спросила Кира и, не дожидаясь ответа, стала рассказывать про праздник, танцы, благотворительный сбор средств и номер, который ее уговорили по этому случаю подготовить.

Пока она говорила, к ним подошел высокий смуглый мужчина лет сорока. "Горец", – так мысленно окрестил его Костя. Горец наклонился к Кире и что-то тихо сказал ей на ухо, рукой показал на кого-то из музыкантов, она кивнула.

– Костя, знакомься, это Януш. Мы сейчас танцуем, – познакомила Кира и после паузы добавила: – Не уходи, ладно? Дождись меня.

Она решительно двинулась в середину импровизированной сцены под деревом, держа под локоть своего кавалера. Пара вышла на сцену, музыка смолкла. В наступившей тишине Кира обвела взглядом зрителей, вскинула руки, браслеты на них качнулись и зазвенели. Этот звон, ловко подхваченный музыкантами, секунду спустя стал мелодией, а взмах Кириных рук – танцем.

Костя стоял, и хмуро смотрел, как она танцует. Он никогда раньше не видел Киру обнимающей другого мужчину. В эту минуту Константин забыл, что прошло уже шесть лет с тех пор, как они расстались, что его самого ждала в Москве подруга. Что несколько минут назад он с интересом разглядывал молоденьких девушек на площади. Все это больше не имело значения. На площади под большим деревом танцевала его Кира, танцевала с другим мужчиной. Костя смотрел на это, злился и ревновал.

Плавные изящные движения танца сменяли друг друга. Время от времени Кира вскидывала руки, и ее медные браслеты позвякивали, дополняя звуки музыки. Кира и Януш улыбались. Их смуглые руки, лица, блестящие волосы, их улыбки завораживали.

В какой-то момент Костя решил уйти, но что-то помешало ему. Он чувствовал себя кроликом, замершим перед удавом. Так и стоял посреди шумной площади с огромным деревом в центре и смотрел на Киру. Когда танец закончился, она пошла прямо к Косте. На ходу девушка сняла звенящие браслеты, бросила их в свою сумку, распустила волосы и, взяв Константина за руку, не спеша повела его вдоль улицы подальше от толпы туристов, музыкантов, танцоров, городского шума и суеты.

Уже стемнело, в ресторанах зажигались огни, позвякивали приборы, смеялись люди, на улочках, в стороне от большого дерева, становилось темно и пустынно. Они шли, молча держась за руки, думая каждый о своем. А может быть друг о друге.

– Ты живешь здесь, в Которе? – нарушил тишину Костя.

Кира покачала головой.

– Нет. Здесь я вожу экскурсии летом, когда много туристов. Приезжаю на три-четыре месяца. Сюда, в Херцор-Нови, в Бар или Тиват. Это все близко. В остальное время живу и работаю в заповеднике в горах. Он называется Дурмитор. Слышал?

Костя кивнул.

– Ты там с этим Янушем живешь?

Кира остановилась и слегка покачала головой:

– Не с ним...

И вдруг, сменив тему, спросила:

– Знаешь, что мне больше всего нравится в Которе?

– Что? – Костя не хотел гадать.

– Сейчас покажу. Или нет, сначала расскажу, а потом буду показывать. Понимаешь, Котор принадлежит и людям, и природе. Природа: горы, растения, вода, неохотно уступают место городским стенам и домам. И все же дома понемногу забираются в гору и устраиваются там поудобнее, оттесняя деревья, или наоборот спускаются к самой кромке воды. А растения в свою очередь заселяют дома непригодные больше для людей, они пробивают балки и перекрытия, прорастают сквозь бетон, ползут по стенам.

В семидесятых в Которе случилось крупное землетрясение. Многие дома были разрушены.

Кира покосилась на Костю и, убедившись, что он слушает, продолжила рассказ:

– Так вот, после того землетрясения город толком не восстановили. Окна и двери полуразрушенных зданий забились досками, фасады покрасили и город вернулся к обычной жизни. Тогда-то в полуразвалившихся домах поселились деревья, трава, цветы, кошки и птицы. В некоторых можно обнаружить целые сады. Показать?

Костя заглянул в озорные Кирины глаза полные жизни и веселых искр, неуверенно кивнул. Он помнил, что когда-то они лазили вместе по московским крышам, но это было давно. С тех пор он обзавелся серьезной работой, серьезным доходом и уже слабо представлял себя забирающимся на чердаки заброшенных зданий или сидящим на козырьке крыши. Но и отказаться он не мог. Стоило только представить, каким разочарованным станет после его отказа это смуглое черногорское лицо, как будут давить на него стены гостиницы, когда он вернется в номер и запрет себя в четырех стенах. Стоило только представить, и он был готов идти куда угодно.

Под эти размышления и Кирино щебетание о палаццо, зеленых ставнях, фасадах без балконов они добрались до обычного двухэтажного дома на одной из улочек.

Окна здания забиты, а на двери тяжелый навесной замок. Кира покопалась в своей необъятной сумке, немного погромела сложенными туда браслетами и вынула ключ. Мгновение, и ключ, а с ним и снятый замок снова исчезли в сумке. Кира потянула Костю за собой в здание. Шаг, второй, третий и вот они в темном коридоре у основания лестницы. Кира крепко держит Костину ладонь, и осторожно наступая на старые скрипучие ступени, поднимается вверх.

Через полминуты пара уже стоит на втором этаже здания, в единственной просторной комнате. После непроглядной темноты лестницы, комната кажется довольно светлой.

Костя огляделся: под ногами раскинулся ковер из травы и мха, в углу встречал гостей большой куст с крупными листьями, а по стенам от пола и до неба тянулись стебли выющихся растений, кое-где этот природный ковер украшали нежные цветы. Вместо крыши над головой раскинулось черное небо с крупными, блестящими звездами. Казалось, будто где-то в вышине какая-то прекрасная богиня рассыпала целую корзину морских жемчужин.

Кира вытащила из сумки тонкий плед, расстелила его на траве, села.

– Красиво, правда? Я часто бываю здесь, когда приезжаю в Котор. Тут хорошо писать, – сказала она.

– Что ты теперь пишешь? – тихо, словно боясь спугнуть какое-то древнее волшебство, спросил Костя. Он осторожно дошел до одной из стен комнаты и дотронулся до зеленого ковра. В ответ на его прикосновение листья тихонько зашуршали.

– Сказки, – Кира интересом наблюдала за своим гостем.

– Расскажи что-нибудь, – он сел на траву рядом с девушкой.

Она подумала с минуту, потом не спеша начала рассказывать:

– Это было больше тысячи лет назад. Когда в горах еще водились огнедышащие драконы. На берегу моря, окруженная оцетинившейся горной грядой стояла неприступная крепость...

Рассказ стелился, как туман, постепенно очаровывая слушателя. Костя, закрыв глаза, представлял себе горные вершины, зацепившиеся за них пушистые облака, огромных огнедышащих драконов населяющих небо, воду и землю, древние города, крепостные стены поросшие мхом, героев и злодеев, прекрасных красавиц в изысканных одеждах, с множеством драгоценных браслетов, звенящих на руках во время танца. Рассказ уносил Константина все дальше и дальше вглубь веков, вглубь Кириной сказки. В этом рассказе слышались знакомые мотивы и образы, Костя узнавал себя поочередно в каждом герое и каждом злодее. Затаив дыхание он ждал, чем же закончится эта история.

Когда Кира замолчала, мужчина еще некоторое время сидел без движения, словно досматривая картины, нарисованные воображением. Наконец он открыл глаза и внимательно посмотрел на подругу. В темноте комнаты он не видел ее лица, только нечеткий силуэт. Но ему и не нужно было видеть, он знал, что Кира улыбается, прищуривает хитрые лисьи глаза и ждет, что же он скажет.

– Красиво, – он улыбнулся и добавил: – Наивно, неправдоподобно, но красиво. И атмосферно, я словно оказался там, в древней крепости.

– Ты и оказался, – Кира обвела взглядом комнату. – Котор – очень древний город, и он не так уж сильно изменился за последнюю тысячу лет. Те же стены, море, горы, солнце, те же люди с их тревогами, заботами, радостями, слабостями и надеждами. Те же звезды.

Она, запрокинув голову, показала рукой на черное небо с россыпями звезд. В тот самый момент, когда Костя посмотрел на небо, оно вдруг вспыхнуло ярким фейерверком. Это могло бы сойти за необычное совпадение, знак, если бы каждый день все лето на побережье не запускали салюты. Праздник здесь не заканчивался никогда.

Стоя в полутемной комнате, украшенной цветочным ковром, огнями фейерверков и светом звезд, Константин искоса рассматривал Киру. Она притягивала и пугала его одновременно. Непостижимым образом в этой женщине сочетались трогательная нежность, наивность, беззащитность, тайна и опасный, взрывной темперамент балканской ведьмы. Эта смесь опьяняла и завораживала, ей невозможно было сопротивляться.

Повинуясь мгновенному порыву, Костя притянул к себе девушку, и замер, сжимая ее в объятиях. Она посмотрела на него внимательно, без тени игривого веселья, осторожно коснулась губами уголка его рта, тяжело вздохнула и нежно поцеловала в губы. В этот момент будто лопнула невидимая пружина, державшая их на расстоянии. Костя крепче обнял девушку и стал целовать в губы, в шею. Сначала торопливо, словно боясь, что она отстранится и уйдет. А затем все спокойнее и нежнее.

Он осторожно касался ее блестящих волос, тонких смуглых рук, горячей, нежной кожи, чувствовал, как под лопаткой на спине выступает незнакомая татуировка с причудливым узором. Костя снова и снова проводил пальцами по рисунку, стараясь разгадать секрет узора, но смысл тонких линий и изгибов все время ускользал от него.

Он вслушивался в прерывистое Кирино дыхание, что-то шептал ей на ухо, что-то обещал, клялся, не слыша собственных слов, прижимая ее к себе все сильнее и торопливо избавляясь от одежды, так некстати их разделявшей.

Косте казалось, он стоит на краю пропасти и вот-вот прыгнет вниз. Страх и восторг, попеременно сжимали сердце. Он заглянул в Кирины глаза, в них отражалось черное небо и яркие, блестящие звезды. Девушка опустила ресницы, и звезды погасли, все разом, словно их никогда и не было...

Мужчина проснулся незадолго до рассвета. Он лежал на полу полуразрушенного землетрясением здания, смотрел, как медленно отступает мрак, как свежее отдохнувшее солнце не спеша оглядывает небо, скользит лучами по траве и деревьям, растущим в этом чудном доме. Как солнце замечает спящую Киру, гладит ее, нежно касается рук, шеи, лица. На секунду Костя смутился, отвел глаза. И только тут заметил на одной из стен, в трех-четыре метра над полом, несколько ласточкиных гнезд. Он пригляделся чуть шурясь. Сначала гнезда показались ему пустыми, брошенными, но тут в небе над его головой появилась ласточка, и Костя увидел, как из гнезд выглядывают, галдя и отталкивая друг друга, голодные птенцы.

Вот ласточка нырнула в свое гнездо, вот на небе появилась еще одна птица, за ней вторая, третья. Костя смотрел на эту удивительную сцену, как зачарованный боясь пошевелиться. Он был так увлечен, что не сразу заметил, что Кира проснулась и села рядом с ним.

– Я знала, что рано или поздно ты их заметишь, – сказала она, разглядывая ласточек. – Когда пару лет назад я нашла этот дом, здесь было только одно гнездо. Я тогда жила в Которе и по утрам прибегала посмотреть, как ласточка кормит своего птенца. А в этом году здесь столько гнезд, столько птиц. Удивительно!

Костя обнял девушку и нежно поцеловал ее в висок. Кира улыбнулась и покачала головой, словно удивляясь его нежности.

Тем же утром пара сидела в маленьком кафе на Оружейной площади, возле Морских ворот. День только начался, туристы еще не наводнили город. Кира пила черный кофе без сахара и рассказывала легенды Черногории.

– ...А вон там, в заливе "Остров мертвых". Его еще называют островом капитанов, когда-то давно там хоронили известных моряков. У меня есть друг – капитан дальнего плавания. Он мечтает после смерти оказаться на этом острове, и целую вечность смотреть на воду Бокоторского залива, на горы, берег и церковь «Богородица-на-Рифе». Вон она на маленьком островке, напротив острова капитанов. Ты был там?

– Да, – Костя улыбнулся, – и легенду знаю, что моряки в шторм нашли на выступающей из моря скале икону, и она не захотела быть в городской церкви, а снова и снова оказывалась на рифе в море, тогда... – он задумался, вспоминая конец истории и Кира подсказала.

– Тогда жители города Пераст создали искусственный остров. Они потопили возле рифа сотни кораблей груженных камнями и построили там церковь. Кстати, даже сейчас остров ежегодно укрепляют и увеличивают. Раз в год, 22 июля, в тот самый день, когда моряки нашли на рифе икону, местные жители подплывают к острову на лодках и бросают в море камни. Это красивый ритуал, на закате множество лодок отправляется к «Богородице-на-риф»... И легенда красивая.

– Ты в нее веришь? – Костя посмотрел на Киру поверх солнцезащитных очков.

– Во что?

– В легенду, в то, что икона снова и снова, как по волшебству возвращалась на скалу.

Кира задумалась:

– Не знаю, не уверена. Может быть! По крайней мере, я верю в то, что людям нужны легенды, предания и сказочные истории.

– Зачем?

Кира удивленно посмотрела на Костю:

– Чтобы не черстветь, создавать что-то новое, совершать удивительные поступки, развиваться, становиться лучше. В конечном счете, чтобы жить! Что ты усмехаешься?! Да, твой мир не такой. Он рациональный и скучный, в нем нет места легендам и сказкам. В нем люди живут ради прибыли и достижений, впрочем, достижения тоже должны быть монетизированы.

Костя засмеялся. Он смотрел на город и поражался тому, как он красив этим утром. Как эти казавшиеся душными улицы, стены и потертые ставни изменились в его глазах за последние дни. То, что раньше вызывало скуку, теперь радовало, вдохновляло и откровенно веселило.

– Послушать тебя, – со смехом сказал он, – так у нас с тобой разные миры.

Кира отставила кружку с кофе.

– Разные.

Костя только отмахнулся. Ему не хотелось спорить, не хотелось, чтобы Кира портила настроение своими намеками. Все вокруг было прекрасным: солнце согревало, проникало глубоко под кожу, кажется, даже в душу. Он чувствовал себя веселым, здоровым и сильным, нет, не сильным... всемогущим! Казалось можно щелкнуть пальцами и сотворить целую страну, целый мир, вселенную. И это было очень похоже на счастье.

Глава 4. Тиват

С того дня Костя и Кира встречались почти ежедневно. Впрочем, они никогда не договаривались о встрече заранее и ничего не планировали. Вечерами, когда Костя заканчивал работу и хотел увидеть Киру, он просто шел гулять по старому Котору или набережной. Обходил весь центр, заглядывал на «площадь кошек», в дом без крыши, на рынок, где торговали глиняными сувенирами, фруктами и пучками лаванды, в кафе к Милошу, давнему другу Киры. Он прислушивался к голосам туристов, к смеху и разговорам и, в конце концов, неизменно отыскивал подругу.

И Кира всегда радовалась их полуслучайным встречам. Она брала Костю на свои экскурсии, вместе с ним приходила к друзьям и знакомым. И везде Костю считали своим. Стоило Кире сказать: «Это мой друг», – и чужие, незнакомые люди начинали спрашивать у Кости про его дела, настроение, здоровье, делиться с ним переживаниями и житейскими историями.

И постепенно молчаливый, серьезный Костя стал с радостью общаться с Кириными друзьями, рассказывать забавные истории, задавать вопросы, много смеяться. Этот смех легкий, искренний и беззаботный, до глубоких морщин вокруг глаз и до слез, располагал к нему людей, прогонял печаль и ту самую бездонную пустоту, жившую в его сердце.

Константин не замечал этого, но с каждым днем все раньше заканчивал работу и выходил на поиски Киры. И все охотнее соглашался на ее предложения зайти к кому-нибудь в гости. Даже с Янушем, к которому Костя ревновал, и которого откровенно недолюбливал он, постепенно нашел общий язык. Это произошло незаметно, после пары совместных посиделок, после нескольких бутылок вина.

Как-то отправившись на поиски Киры, Костя отыскал ее на автобусной остановке с двумя огромными сумками в руках. Она беседовала с незнакомой пожилой женщиной.

– А, Костик, – обрадовалась Кира, когда он подхватил сумки. – Это Йованка, мой давний и самый надежный друг. Мы с ней едем в Тиват. Составишь компанию?

И видя, что Костя сомневается, Кира добавила:

– Без тебя мы сумки все равно не довезем.

Костя вздохнул и согласился. В конце концов, если уж взялся помогать, помогай до конца. К тому же он хотел провести вечер с Кирой, а для этого нужно было ехать с ней.

До Тивата автобусом минут двадцать, с пробками тридцать. Это небольшой городок вблизи аэропорта, состоящий из множества отелей, гостиниц и гостевых домов. На набереж-

ной Тивата раскинулся всемирно известный причал Монтенегро – место швартовки пафосных яхт и кораблей. Здесь же разместились торговые галереи, элитные отели, бутики и рестораны для избранных посетителей. Во всем остальном, чуть дальше причала, Тиват – обычный, провинциальный городок на берегу Адриатического моря.

Среди множества частных гостиниц города одна принадлежит Кириной подруге Йованке и ее мужу Момо. Кира утверждала, что эта гостиница самая лучшая в городе, а хозяева самые заботливые и радушные люди во всей Черногории. Что, к слову, плохо вязалось с цепким, внимательным взглядом Йованки. Эта статная и красивая, даже не смотря на возраст, горянка так и буравила Костю глазами, словно намереваясь испепелить.

Гостиница, куда Костя и Кира привезли продукты, на деле оказалась большим домом с десятком однокомнатных квартир. Во дворе среди груш, яблонь, гранатовых деревьев и бельевых веревок человек пять мальчишек играли в мяч. При этом они отчаянно шумели и спорили на разных языках, так что от криков звенело в ушах.

Йованка прикрикнула на мальчишек по-русски, и шум мгновенно стих. А из дома выглянул красивый широкоплечий мужчина с седыми волосами. Это был Момо. По дороге Кира успела рассказать, что Момо в прошлом капитан дальнего плавания, а сейчас хозяин гостиницы, фермер, садовник и вообще мастер на все руки.

Костя поздоровался с хозяином дома, передал ему тяжелые сумки и выжидательно посмотрел на Киру. Он надеялся уехать вместе с ней обратно в Котор. Но Йованка пригласила гостей остаться на ужин, и Кира, не раздумывая, согласилась за них обоих.

Во дворе под небольшим навесом стоял старенький деревянный стол, Момо решительно разложил его, и гордо водрузил на середину две запотевшие стеклянные бутылки: одна с домашним вином, другая с абрикосовой ракией. Он сам выращивал виноград и абрикосы, сам готовил вино и самогон, и очень гордился получившимися напитками.

Увидев бутылки, Кира мгновенно принесла из дома бокалы, хлеб, многочисленные пиалы, салатницы и кастрюльки с чем-то аппетитным. Костя обратил внимание, что Йованка поставила на стол целую гору тарелок, так словно здесь намечался пир человек на пятнадцать, двадцать. Но прежде чем мужчина успел спросить об этом Киру, к их столу подошла молодая женщина. Она гордо поставила перед собой огромную кастрюлю с борщом и предложила всем попробовать ее сегодняшней шедевр.

– Аня, – представилась она, в упор глядя на Костю, – я из Питера, а ты?

– Костя, из Москвы, – весело ответил мужчина, с интересом разглядывая новую знакомую. Красивая, с искрящимся бронзовым загаром, как у Киры, густыми каштановыми волосами и огромными глазами в пол-лица. Она говорила уверенно и громко, много смеялась, остро и колко шутила.

Через несколько минут после Ани к столу подошел худощавый, острый и нескладный черноволосый юноша лет шестнадцати, семнадцати. А следом с третьего этажа дома спустилась девушка. Тоненькая, как молодая березка, она легко бежала по ступенькам, придерживая руками длинную, широкую юбку, подол которой то и дело наполнялся ветром и игриво взлетал, обнажая стройные загорелые ножки.

– Это Милош и Лена, – шепнула Косте Кира. – Милош – племянник Йованки, мне кажется, он безнадежно влюблен в Лену. Ей девятнадцать.

Костя присмотрелся к Милошу, мальчишка был смешной, лопухий, нескладный, как, в общем-то, все подростки. Но в этой угловатой нескладности уже угадывалась стать и порода. Пройдет еще лет пять, и все девушки Черногории будут страдать по нему. Тогда он вероятно и не взглянет на эту невзрачную, худую девочку. Но сейчас... Сейчас он этого не знает. Костя улыбнулся и кивнул Кире.

Вслед за подростками к столу с разных сторон подошли еще несколько человек: французская пара, недавно заехавшая в гостиницу; сын хозяев, крупный широкоплечий мужчина, Марко; женщина средних лет за руку с пятилетним мальчиком.

– Что у них за праздник? – шепотом спросил Костя, не ожидавший оказаться в такой шумной и разношерстной компании.

– Праздник? – Кира засмеялась. – Никакого. Здесь всегда так.

Через полчаса Костя почувствовал, что оказался на семейном ужине, где были рады всем и каждому, где люди разных национальностей и возрастов легко могли найти общий язык. Собравшиеся говорили о солнце, лете и море, о Черногории, ценах на фрукты, о рынках, рецептах вина, ракии и сыре. Добродушно спорили о политике, громко и искренне смеялись.

Момо рассказывал морские байки, вспоминал, как плывал в Россию, мерз в сером, сыром Петербурге. Анна недовольно фыркала, слушая его истории, но не спорила. Слишком давно и страстно она любила Черногорию, Йованку и Момо, и уже семь лет приезжала сюда на лето, оставив дома мужа и сыновей.

В середине вечера к Косте подошел Марко и молча протянул ему сигару. Константин отошел с ним в глубину сада, закурил, сделал несколько глубоких затяжек. Дым медленно поплыл над поляной.

– Ты Киру давно знаешь? – спросил Марко.

– Лет десять, – Костя расслышал в вопросе напряжение и с десяток других, незаданных, скрытых вопросов, но решил не обращать на это внимание. – А ты?

– Пять. Она жила у нас в доме, когда только переехала из Москвы.

Марко помолчал, задумчиво разглядывая свою сигару, и снова спросил.

– Ты сюда к ней приехал? Насовсем?

– Что за вопрос? – шутливым тоном ответил Костя, выпуская в воздух колечко дыма и прищуриваясь. Он не знал, что сказать. Ну, не рассказывать же в самом деле, что встретил Киру случайно.

Марко покачал головой:

– Просто так спросил.

В этот момент к мужчинам подошла Кира. Она улыбнулась Марко и приобняла Костю за плечо:

– О чем секретничаете?

Марко покачал головой

– Не секретничаем, просто курим.

С этими словами он затушил недокуренную сигару и вернулся за стол. Кира проводила его взглядом.

– Уверена, Марко задавал ужасно неуместные вопросы. Мы дружим, и он меня оберегает, – с улыбкой сказала она и торопливо добавила: – Но ты можешь не отвечать на вопросы обо мне. Идем, я покажу тебе причал.

С этими словами она взяла Костю под локоть и повела из сада вдоль улицы с множеством отелей и гостевых домов в сторону набережной.

На набережной горели фонари, их мягкий свет падал на спящие яхты, парусники и корабли, задремавшие на причале Монтенегро. Во сне они сверкали лакированными бортами и причудливыми украшениями. Вдоль дороги в одинаковых кадках цвели акации, и их аромат нежно окутывал гуляющих пар. Красота и роскошь этого маленького кусочка мира резко контрастировала с остальным городом, с его простыми незамысловатыми домами, дорожками, пляжами и парками.

Кира и Костя медленно шли вдоль набережной. Девушка о чем-то рассказывала, Костя не слушал. Он думал о том, сколько еще сможет игнорировать просьбы коллег и родных вернуться в Москву. Он и раньше понимал, что этот праздник жизни не может продолжаться вечно, но

отгонял мрачные мысли, тянул время, снова и снова откладывая день, когда ему нужно будет попрощаться с Кирой и улететь. Вопросы Марко, его суровый взгляд, хмурая сосредоточенность, заставили Костю задуматься о том, что делать дальше.

Кира, почувствовав его настроение, замолчала. Они долго шли в тишине, нарушаемой только смехом веселых компаний где-то вдалеке, как вдруг в кармане Костиных брюк резко запиликал телефон. Константин вытащил его, бросил взгляд на дисплей и поспешно сбросил звонок.

– Подруга звонит? – в Кирином голосе не было ни удивления, ни ревности, ни обиды. Как и раньше, когда Кира вмешалась в разговор Кости и Марко, она прекрасно понимала, что происходит и, казалось, ни капли не переживала по этому поводу. – Расскажи, какая она?

Костя помолчал немного, подбирая слова:

– Милая. Даже очень. Немного не самостоятельная...

Кира улыбнулась:

– Ты любишь ее?

Он промолчал.

Какое-то время они снова шли молча. Кира о чем-то сосредоточено думала, Костя рассматривал черные морские волны, бьющиеся о яхты. Сегодня в них чудилось что-то зловещее.

– Костик, тебе нужно вернуться в Москву, – негромко сказала Кира.

– Мне и тут хорошо. Я вообще могу остаться, – он засмеялся чуть натянуто.

Кира покачала головой.

– Нет, мой милый. Не можешь. Все когда-то заканчивается. Даже здесь однажды наступит зима, подуют ветры, туристы разъедутся, а местные закроются в своих домах. В доме без крыши, где мы смотрим на звёзды, станет холодно и голо. А хочешь, я расскажу, что тогда будет с нами? – она продолжила, не дожидаясь ответа. – Мы станем спорить из-за разбросанных носков, покупок, ужина и немых чашек! Избавь! Встреча с тобой слишком прекрасная, слишком невозможная случайность, чтобы испортить все бытом, чтобы продолжать эти отношения до тех пор, пока они снова не сойдут на нет, не превратятся в причудливую коллекцию обид, упреков и взаимной лжи. Мы разные, всегда такими были, из разных миров, у наших отношений просто нет будущего. Я хочу, чтобы эти дни остались для тебя веселой историей, прекрасными каникулами в Которе. Хочу, чтобы при слове счастье ты не морщился, как от боли, а улыбался, вспоминая стены поросшие мхом, ласточек, яхты, море и... меня, быть может.

Костя не ответил. Он обдумывал Кирины слова. В глубине души он понимал: она права. Но как можно уехать от этого солнца, от этой женщины, как в одну минуту расстаться со всем, что дарит радость, и вернуться в привычный, обыденный, серый мир?! А впрочем, там, в Москве, было чем заняться, там ждали новые проекты, новые сделки, новые идеи. Вот и коллеги предлагают интересный проект, который через пять – шесть месяцев обернется большими деньгами. Нужно ловить момент, не откладывать все на потом, уезжать. Это всего лишь отпуск, и он заканчивается...

– Поехали со мной, – в каком-то отчаянном порыве позвал он. Костя понимал, как нелепо звучит его предложение, понимал, что если Кира согласится, то из этого не выйдет ничего хорошего, все понимал. Но не позвать ее не мог.

Кира улыбнулась, обняла Костю и нежно поцеловала в висок.

Глава 5. Конец лета

Ночью пара вернулась в Котор. Город спал тихим, безмятежным сном, укутанный непроницаемой темнотой летней южной ночи.

– Прогуляемся? – предложил Костя, рассчитываясь с таксистом у ворот старого города.

Кира улыбнулась и покачала головой:

– Прохладно сегодня, пойдем в отель.

Он кивнул и внимательно посмотрел на девушку. Ему вспомнились ее слова о том, что однажды и сюда придут холодные дни. Черногорское лето длинное, на побережье оно не заканчивается в конце августа, как в Москве, а продолжается еще целый месяц или дольше. И все же сегодня в августовском воздухе чувствовалось что-то осеннее, неясный намек на то, что лето подходит к концу.

Мужчина и женщина не спеша дошли до Костиного отеля, поднялись в номер. Кира вытащила из сумки бутылку молодого красного вина – подарок Момо, открыла ее и разлила содержимое по бокалам. Костя сидел в кресле и искоса наблюдал за подругой, сегодня она казалась немного рассеянной, словно думала о чем-то своем, далеком.

– Все в порядке? – Костя улыбнулся и заглянул Кире в глаза.

Она кивнула:

– Да, просто задумалась о доме. Надо бы съездить. Я же тебе говорила, что у меня дом в Жабляке?

– Ты говорила что-то про заповедник.

– Это одно и то же. Жабляк – маленький городишка в горах на территории заповедника Дурмитор.

– Теперь понятно, – он улыбнулся и сделал глоток вина, терпкое, пахнущее жарким летом, оно изнутри наполняло мужчину теплом, светом и радостью.

Костя и Кира еще посидели в креслах друг напротив друга, грея в руках бокалы с домашним вином. Кира как всегда что-то рассказывала, Костя слушал. Он давно выкинул из головы их разговор на причале Монтенегро, снова мысленно отложил отъезд, был спокоен и весел.

На следующее утро Константин проснулся в гостиничном номере один, Киры не было рядом. Зато на подушке лежал телефон и отчаянно звонил. Костя был нужен абсолютно всем: звонили коллеги, начальник, мама, сестра и подруга. Задавали вопросы, просили прислать, отдать, пояснить, помочь... Но главное, приехать. До обеда Костя разбирался с делами, отвечал на звонки, что-то говорил, что-то обещал. Потом, когда телефон перестал бесконечно пищать, он отправился в город искать Киру. Какое-то странное беспокойство, мрачное предчувствие постепенно охватывало его.

Мужчина долго бродил по улицам, заглядывая в знакомые кафе и ресторанчики, прислушиваясь к голосам и набирая время от времени заученный черногорский номер. Телефон был выключен, а город казался осиротевшим и пустым. Шестым чувством, кожей или Бог знает, чем еще Костя осознавал Кирино отсутствие. В глубине души он уже догадывался что произошло: Кира уехала, сама поставила точку в их курортном романе, не стала дожидаться, пока это сделает Константин. Эта мысль все настойчивее стучала в висок, но Костя гнал ее прочь.

Наконец, после часа бессмысленных блужданий на одной из улиц он столкнулся нос к носу с Янушем.

– А, Константин! Добрый день, – Януш приветливо похлопал Костю по плечу. – Ты не Киру ищешь? Она уехала в заповедник. Утром. Ее срочно вызвали, там какие-то группы, экскурсии, что-то такое, я не вникал. Она просила меня зайти к тебе в гостиницу и передать, а мы вот на улице встретились...

Януш, видимо, собирался еще что-то сказать или спросить, но взглянув на хмурое Костино лицо, передумал, невесело усмехнулся, торопливо попрощался и ушел. Константин выдохнул и попытался собраться с мыслями. В голове была редкостная каша.

Мужчина быстро прошел старый город насквозь, вышел к причалу, долго шел вдоль берега моря сначала по набережной, потом по шоссе, он не понимал куда идет и зачем. Просто шел, ему казалось, что если сейчас он остановится, зайдет в какое-нибудь кафе, купит пиво, попытается осмыслить произошедшее, ему станет по-настоящему тяжело... А пока он шел, в

голове не было ни четких мыслей, ни идей, ни плана, такое случалось не часто. Такое не случилось еще ни разу.

В какой-то момент мелькнула мысль прыгнуть в море и переплыть залив. Но что потом? Залив не так уж широк, переплывешь, а дальше? Посидеть на другом берегу и плыть обратно, а потом идти по вечернему городу в мокрой одежде, мерзнуть и злиться? Ради чего? Костя отогнал глупую мысль и продолжил идти.

Он злился и вспоминал слова Киры. Она была права, скорее всего, права! Останься он ещё на две недели или месяц и их солнечные отношения померкли бы стали серыми и обыденными. Костя бы нервничал из-за работы, постоянных звонков, дел, оставшихся в Москве. Его бы начала раздражать Кирина бесконечная веселость, беззаботность, ее непредсказуемая работа, переезды из города в город. И в конечном итоге, они все равно бы разъехались. Он почти убедил себя в этом, убедил, что все складывается правильно, так как должно, что все к лучшему. Константин, наконец, остановился и огляделся: Котор остался далеко позади. К городу петля тянулось серое полотно асфальта. Нужно было возвращаться.

Константин остался в Которе еще на несколько дней. Он почти не работал в это время, много гулял. Обошел все улицы и переулки, побывал во всех музеях, соборах и особняках, в которые только допускались туристы. И с каждым часом эта древняя крепость нравилась ему все больше и больше. Счастливый смех Киры чудился ему в маленьких узких переулках, зеленый подол мелькал на площадях и в скверах. Уличные торговки то там, то тут предлагали купить медные браслеты, совсем как те, что звенели во время танца на Кириных руках.

Все вокруг напоминало о Кире. И все же через несколько дней Костя смирился с Кириным отъездом и сам стал собираться домой. Партнеры все настойчивее требовали его возвращения. Лена, подруга, жаловалась на сломавшийся тостер, стиральную машину, и подруг, которые считают, что Костя уже нашел себе любовницу у моря. Костя злился, когда Лена пересказывала их глупые гипотезы и спрашивала, может ли она прилететь. Он считал Котор Кириным домом, где он остался пожить, пока хозяйка в отъезде. Здесь не было место для его московской жизни, для Лены. Но так как просьбы, намеки и упреки становились все настойчивее, он решил лететь в Москву.

Был вечер понедельника, когда Костя взошел на борт самолета, сел в кресло, пристегнулся, еще раз посмотрел на горы в окно иллюминатора и закрыл глаза.

Ему снилась Кира, она заливисто смеялась и крепко держала его за руку, снился дом без крыши, над которым горели самые яркие в мире звезды, снился Котор с его улочками и площадями, море, качающее корабли и яхты, горные вершины, поросшие вековыми соснами. Снилась целая жизнь, которую он мог бы здесь прожить.

Самолет поднялся в воздух, набрал высоту, и вскоре оставил далеко внизу горные вершины, покрытые сплошными черным ковром сосен. Прошло, казалось, совсем немного времени и сквозь сон Костя услышал голос стюардессы, почувствовал, как заложило уши, застучало в висках, как самолет тяжело стукнул колесами о землю, и понемногу замедляя ход, покатился по взлетно-посадочной полосе. Костя открыл глаза, посмотрел в окно на серые свинцовые тучи, отогнал сон и снова вернулся в свой привычный, рациональный мир.

Часть вторая.

Глава 1. Кира

В то утро, когда все закончилось, Кира тихонько захлопнула дверь Костиного гостиничного номера, вышла на улицу, прошла через лабиринт улочек, через ворота старого города и направилась напрямиком к автобусной остановке. Там постучала в окно одного из экскурсионных автобусов, что-то сказала водителю. Он улыбнулся в ответ, кивнул. Это был знакомый водитель, один из тех с кем Кира регулярно ездила на экскурсии, кто уже не раз подвозил ее до

дома. Договорившись с ним, Кира забила на заднее сидение, закрыла глаза. Через четверть часа автобус заполнился шумными, веселыми туристами и тронулся с места. Кира поехала домой. Уже в пути она набрала короткое сообщение Янушу: «Ян, я домой. Передай Косте, что меня вызвали в заповедник».

Конечно, это сообщение и просьба в нем были отчаянной трусостью. Кира ушла окончательно, все обдумала и приняла единственно верное решение, но вот сказать об этом Косте, глядя ему в глаза, она так и не решилась. Не решилась она и на записку, потому что знала, он и так все поймет, без слов. Он не будет спорить, искать ее, нет, он вздохнет с облегчением и улетит домой.

Петляя, автобус ехал вдоль побережья. Очень скоро он изменит направление и будет не спеша карабкаться в горы, поднимаясь по узкой закрученной дороге. Но это позже, а сейчас серый асфальт со всех сторон окружали дома и коттеджи маленьких, прибрежных городов, кое-где виднелись острые шпили церквей, редкие памятники, хранящие воспоминания о советском прошлом этих земель, изредка попадались магазины и госучреждения.

Кира дремала на заднем сидении автобуса. Ей ничего не снилось. Внутри была пустота и тишина. Шесть лет назад Кира уже уезжала от Кости. Тогда она думала, что сойдет с ума от вечного внутреннего спора. Тогда она ругала себя за трусость, за предательство, за побег, страдала, любила. Потом хвалила себя за мужество, за то, что не стала тратить годы на того, кто ее не любит, кто любит только работу, и не дает себе ни единого шанса стать счастливым.

Много позже Кира поняла, что Косте нужна такая женщина, которая не мешала бы ему идти к своим целям, к своим заработкам, компаниям, акциям и проектам. Женщина, которая легко бы разделила его планы и интересы, не трепала бы нервы по пустякам, не спорила, не строила вокруг них хрупкий мир из безумных идей, фантазий, риска и счастья. Нет, Костя предпочитал материал покрепче.

А Кира? Кира всегда строила воздушные замки, и бывало, они обрушивались ей на голову всей своей тяжестью. Кто бы мог подумать, что разрушенные мечты могут быть такими тяжелыми. И все же Кира нашла то, что искала. Она приехала в Черногорию, встретила Йованку, Момо, Марко и других замечательных людей и осталась здесь. Работала фотографом, экскурсоводом, учила язык, купила дом высоко в горах в Жабляке, на территории огромного заповедника Дурмитор. Нашла в Которе, где часто бывала, дом без крыши и сделала его своей летней резиденцией, местом для написания историй и сказок.

Почти пять лет каждый день Кира была счастлива. Конечно, как у всех у нее случались неудачные дни, трудности, неприятности, потери, но в целом это была именно та жизнь, о которой Кира мечтала. Но каждый день здесь среди реликтовых деревьев, каньонов и рек, солнца и моря, она думала о Косте.

Это было одержимостью и навязчивой идеей. Каждый день Кира вспоминала о нем, продолжала говорить с ним у себя в голове, спорить, рассказывать о своем мире, о людях и событиях. Никто не знал об этом, но если Кире случалось гулять в одиночестве по городским улицам, набережной или лесу, образ Кости сопровождал ее в этих прогулках. Она беседовала с ним и неизменно ощущала его присутствие в каждом своем дне.

Если все эти годы и была у нее заветная мечта, так это поделиться своей жизнью, своей радостью с человеком, которого она когда-то любила. Любила и жалела несмотря на то, что он легко отпустил ее, что забыл, как только за ней захлопнулась дверь, не искал, не звал обратно, что так и не узнал, куда и зачем она ушла.

И вот однажды, когда внутренний диалог с Костей, наконец, затих, когда за Кирой стали ухаживать черногорские мужчины, и казалось, давняя московская история осталась в прошлом, на вершине крепости над Котором ровный голос без тени удивления сказал: «Здравствуй, Кира...»

В этот раз Кира не верила в счастливый финал, в любовь до гроба. Не питала иллюзий. Нет, она с самого начала знала каким будет итог: Костя улетит в Москву в свою привычную жизнь, а она останется в Черногории. Но пока он был рядом, Кира должна была показать ему все, что любила. И она показывала. Она делилась со всей щедростью, на какую только была способна. Делилась историями, сказками, приключениями, друзьями, мыслями. Делилась любимыми местами, любимыми лакомствами, своей любовью к стране, к морю и солнцу, к Косте.

И вот теперь все закончилось. Кира ехала домой. Через день-два домой улетит и Костя. Кире не было ни грустно, ни больно, ни горько... только пусто. Словно она раздала весь запас тепла, солнца, радости и света и осталась ни с чем. С этой пустотой нужно будет как-то жить, чем-то ее заполнять. Кира вздохнула, открыла глаза и посмотрела в окно.

Дорога из Котора в национальный парк Дурмитор занимает примерно шесть часов. Большую часть пути она тянется, петляет, закручивается серпантином, вьется и поднимается все выше и выше в горы. Залитое солнцем побережье остается далеко внизу, впереди появляются черные склоны, поросшие реликтовыми деревьями. Эти древние исполины хранят тысячи историй и тысячи тайн, которые им удалось выведать за свою долгую жизнь. Кое-где дорога не огибает скалы, а прорезает их насквозь короткими туннелями, на мгновение погружая туристов во тьму. Кое-где она прижимается к самому краю пропасти, открывая удивительный вид на глубокие каньоны, на дне которых плещется чистейшая вода изумрудного цвета. Вершины же горных склонов спят в вышине укрытые от любопытных глаз бездонной синевой неба.

Чем дальше Кира смотрела в окно, тем легче ей становилось. Казалось, эти пейзажи и вековые деревья за окном, постепенно возвращают ее к жизни. На одной из остановок, когда туристы гурьбой высыпали из автобуса, чтобы сфотографироваться над каньоном реки Морача, Кира тоже вышла, вдохнула свежий воздух и огляделась вокруг.

Заповедник был все также прекрасен, как и пять лет назад, когда девушка вместе с Марко впервые поехала смотреть каньоны. Они колесили на машине по дорогам страны, останавливались возле монастырей и рек, всматривались в горные вершины, спорили и смеялись.

Где-то здесь или чуть выше по течению реки Кира села на камень и заявила:

– Марко, я больше никуда не пойду. Мне здесь нравится! Поставлю палатку и буду тут жить.

Он засмеялся. От его темных, лукавых глаз в стороны разбежались морщинки.

– В заповеднике?! – спросил он со смехом.

– Ага. Буду местной достопримечательностью. Дикая Кира – вымирающий вид.

– Ты подожди пока вымирать, я тебе Жабляк покажу. Кстати, как думаешь, почему город так называется?

– Ну... может там зяблики живут?

– Нет! Не зяблики, жабы. Множество жаб, весной мы поедем слушать, как они квакают. Там тогда гул стоит на всю округу. Жабы квакают, лед на горных реках вскрывается и трещит, красота. Поедешь, дикая Кира?

– Поеду.

Кто тогда мог подумать, что Кира действительно останется жить в Дурмиторе, правда не в лесу, а в доме на окраине Жабляка. Этот старый дом Кира купила, не задумываясь в одну минуту, никого не спросив и потратив на него все свои сбережения. Впрочем в будущем она никогда не жалела об этом приобретении.

Вот и сейчас мысли о доме радовали Киру. Она не была там около трех месяцев и успела основательно соскучиться по своим комнатам, кабинету с множеством книг, саду с яблонями, по соседским вечно кричащим детям, которые то и дело прибегали к тете Кире в гости.

Женщина вернулась в автобус и уже с нетерпением и радостью стала дожидаться возвращения домой. Прошло еще часа три, и автобус высадил туристов в центре Жабляка – малень-

кого города высоко в горах, где постоянно проживало всего около двух тысяч человек. Город расположился у подножия гор, от него тянулись пешеходные дороги к вершинам.

Вряд ли сам город можно назвать красивым: несколько десятков домов, ларьков и магазинчиков с двух сторон от главной улицы, несколько простеньких гостиниц, но вокруг Жабляка раскинулась прекрасная и мало тронутая цивилизацией Черногория. Хвойные леса с множеством редких растений, горы, ручьи и изумрудные озера, – все это плотным кольцом обступало маленький островок цивилизации, балканскую деревушку Жабляк.

Кира вышла из автобуса поблагодарила водителя и экскурсовода и торопливо пошла к дому. От центра города до ее усадьбы минут тридцать-сорок пути. Девушка быстро прошла городские дома, магазины и гостиницы. Вышла на дорогу, по обе стороны от которой расположились поля и дачи, в этом районе было заметно меньше вывесок, а дома стали существенно ниже ростом и разнообразнее по внешнему виду. На узкой улочке в четыре дома Кира остановилась, отдышалась и распахнула знакомую калитку. Перед ней был зеленый сад, сплошь засаженный яблонями и небольшой старый коттедж, давно дожидавшийся возвращения своей хозяйки.

Сам дом состоял из небольшой террасы, огромной кухни-столовой, занимающей весь первый этаж, спальни и кабинета, расположенных этажом выше. Дом этот, кстати, тоже нашел Марко. Как-то через месяц-два после поездки в горы, он принес Кире объявление.

– Кирюша, тебе не придется жить в палатке, – начал он торжественно. – Я нашел для тебя дом!

Кира внимательно изучила объявление, улыбнулась, поблагодарила Марко. А два дня спустя поехала смотреть свое будущее жилище.

Дом очаровал Киру с первого взгляда, с того момента, как девушка увидела яблоневый сад, как поднялась по скрипучему крыльцу на террасу и вошла в двери. В столовой ее встретил камин, большой деревянный стол, несколько аккуратных кухонных шкафчиков и витая лестница на второй этаж. Там Кира обнаружила маленькую комнату с платяным шкафом и широкой кроватью. И просторный кабинет со старым письменным столом и стеллажами с книгами на черногорском, польском и немецком языках.

– Вы оставите книги? – спросила Кира молодого хозяина.

Тот покосился на девушку, как на сумасшедшую, но кивнул. Позже, когда оформляли сделку, и Кира снова упомянула книги, мужчина спросил:

– Вы читаете на польском и черногорском?

– Нет, только на немецком. Но я планирую научиться, – и Кира обезоруживающе улыбнулась.

Сегодня дом вновь обрадовал и очаровал Киру. Она любила возвращаться сюда в конце лета, когда на деревьях висят маленькие красные яблочки, а трава во дворе становится темно-зеленой, уставшей от летнего зноя и вечного солнца.

В доме было пыльно, темно и прохладно. Но Кира давно привыкла к этому запустению, оно неизменно ожидало ее в одиноко стоящем доме. Она прекрасно знала, что уже к вечеру вдохнет жизнь в комнаты. Стоит только смахнуть пыль со стола и камина, открыть все двери, включить шумный чайник, подняться по лестнице на второй этаж, как дом заворочается, словно после сна, заскрипит, встряхнется и оживет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.